

О. Г. Усенко
(г. Тверь)

ПРИМЕРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОРИГИНАЛЬНОЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Универсальной методологии нет и не может быть. Однако в рамках отдельных дисциплин и направлений вполне возможно применение одних и тех же или сходных исследовательских приёмов, которые в комплексе образуют некую методологическую базу. Такой базовый «инструментарий» необходим и тем, кто смотрит на художественную литературу как на исторический источник.

В данной работе описывается примерная методология изучения с позиций исторической психологии литературных текстов, созданных на Руси в XI–XVII вв. При этом под методологией понимается единство исследовательского подхода и конкретной методики.

1. Исследовательский подход. В общем виде он предстаёт системой, элементами которой являются исходные положения (постулаты), основные принципы исследования и соответствующая терминология.

Терминология. 1. Под *исторической психологией* понимается дисциплина, изучающая психическую активность людей прошлого во всех её проявлениях и на всех уровнях личностной структуры – на уровне сознания и подсознания, мышления, эмоций и поведения, индивидуальных, групповых и массовых психических феноменов¹.

2. Понятие «художественная литература» – исторически изменчиво. Если в культуре Нового и Новейшего времени отнесение текста к «литературе» зависит от его жанровой принадлежности, то в традиционной культуре оно зависит от языка, на котором текст написан. В доиндустриальном обществе «литература» – это всё, что написано на сакральном (культовом) языке. На Руси с конца X в. таким языком был по преимуществу церковнославянский².

Исходные положения. 1. Основными жанрами оригинальной древнерусской литературы были апокрифы, жития святых, богослужебные тексты, ораторские произведения («слова»), поучения, проповеди, притчи, летописи, хроники, хронографы, «сказания», «повести», «хождения», стихи, полемические сочинения, богословские труды, научные трактаты, духовные грамоты, церковные уставы князей, жалованные грамоты храмам и монастырям, записи книжных переписчиков³.

2. В литературном произведении отражаются самые различные черты внутреннего мира его автора (авторов) – как сознания, так и подсознания, как сугубо индивидуальные, так и массовидные психические феномены. При этом литературный текст содержит информацию и о внешнем

[с. 5]

мире. Даже если в произведении описывается прошлое или чужая культура, всё равно так или иначе отображается непосредственно его породившая социокультурная реальность – в её субъективной и объективной ипостасях. Сообразно с этим каждое

произведение литературы воплощает в себе черты менталитета и психологии, присущие той или иной социокультурной общности – эпохе, культуре, группе сходных и/или родственных культур, политическому образованию, социальной страте⁴.

Основные принципы исследования. 1. Принцип *герменевтического анализа* текста, ориентирующий исследователя на выявление скрытой (имплицитной) информации посредством специальной обработки наглядно представленной (эксплицитной)⁵.

2. Принцип *семиотического анализа* текста, в соответствии с которым различаются понятие и концепт⁶, значение и смысл⁷, а также отдельно рассматриваются отношения знаков между собой (синтактика), отношение к знакам автора и реципиента (прагматика) и отношение знаков к денотатам (семантика)⁸.

3. Принцип *системного анализа*: все тексты, созданные в определённый период и/или относящиеся к одной социальной общности, можно рассматривать как взаимосвязанные элементы; в то же время каждый из них предстаёт как относительно автономная система, основные уровни которой – форма и содержание – в свою очередь подразделяются на ряд подсистем. К формальному уровню текста относятся повествование (речевые конструкции) и видеоряд – графика письма, разбивка текста, изображения и пометы (если они есть). Уровень содержания представляет собой совокупность значений, сюжетной структуры (отношений между денотатами) и смыслов текста (концептов и отношений между ними)⁹.

4. Принцип «диалога культур», который требует, чтобы исследователь, во-первых, осознавал относительность привычных для него социокультурных норм и понятий – в том числе таких, как «ложь» и «правда», «психическая норма» и «патология», а во-вторых, ориентировался не на вынесение оценок «чужеродному», но на его понимание и объяснение, а также на то, чтобы доверять суждениям своих «собеседников» – авторов и героев литературных произведений¹⁰.

5. Принцип «вариантного» изучения родственных (одножанровых) текстов, суть которого заключается в поиске связей типа «варианты – инвариант» и в анализе отношений внутри них и между ними¹¹.

6. Принцип *сравнительного исследования* литературных произведений и памятников деловой письменности – для дополнения и проверки полученных сведений о психической жизни людей прошлого и для «привязки» этих сведений к той или иной конкретно-исторической общности¹².

II. Методика. Само собой разумеется применение таких методов, как описание и сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение и типизация, абстрагирование и схематизация, типологизация и классификация. Однако специфика историко-психологического исследования выводит на первый план другие способы научного познания.

[с. 6]

1. *Структурно-типологический метод*, заключающийся в обнаружении формообразующих универсалий («повествовательных инстанций», «точек зрения», фабул, композиционных приёмов, логических связей, а также «общих мест» – образов, символов, цитат, шаблонов и стереотипов), их классификации и типологии, установлении отношений между ними и создании текстуальных моделей¹³.

2. *Контент-анализ* – как семантический, основанный на подсчётах частоты упоминаний в тексте (текстах) того или иного объекта в определённой связи с другими объектами, так и лингвистический, основанный на статистическом изучении грамматических особенностей текста (текстов)¹⁴.

3. Исследовательские приёмы из арсенала герменевтики:

1) метод «внимательного чтения» (М. О. Гершензон, Я. О. Зунделович) или «восполняющего понимания» (М. М. Бахтин)¹⁵, суть которого – в обнаружении, объяснении и устранении текстуальных противоречий, авторских и редакторских «оговорок»¹⁶, «умолчаний»¹⁷, речевых «лакун»¹⁸;

2) метод «вчувствования» (В. Дильтей) или «вживания» (М. М. Бахтин), основанный на «игровом раздвоении сознания» исследователя: последний время от времени мысленно выходит из рамок привычного и смотрит на мир глазами «Чужого» – через призму иного разговорного языка, иных «языков культуры», традиций, обычаев, идеалов и т. п.; при этом учёный умозрительно переходит из области «своего» в область «чужого» с вопросами, а возвращается с ответами, которые получает благодаря тому, что отождествляет себя с источником, «одушевляет» его, представляя в образе собеседника, способного реагировать на обращения к нему¹⁹;

3) метод «схематической» (В. П. Визгин) или «анфиладной» интерпретации, когда реалии, обнаруженные за истолкованными знаками, в свою очередь рассматриваются как знаки, требующие «прочтения» и толкования, а когда обнаруживаются их денотаты («реалии 2-го плана»), последние вновь предстают в виде знаков, дешифровка которых выводит исследователя на «реалии 3-го уровня», и всё начинается снова. Такое продвижение «вглубь» текста является одновременно переходом от частного к общему, от представлений и образов – к понятиям и категориям²⁰.

Итогом такой обработки литературных текстов должны быть чёткое разделение информации о сугубо индивидуальных (неповторимых) и массовидных (типичных) феноменах, имеющих сознательную или бессознательную природу, и, в конце концов, реконструкция базовых структур человеческой психики на уровне индивида или же на уровне целой общности.

¹ См.: *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994; *Шкуратов В. А.* Историческая психология. М., 1997.

² См.: *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 5–23; *Он же.* Избр. тр. М., 1994. Т. 2. С. 26–29; *Киселёва М. С.* Учение книжное: Текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000. С. 97–100; *Левшун Л. В.* История восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск, 2001. С. 17–20.

³ См.: *Левшун Л. В.* Указ. соч.; *Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв.* М., 1976; *Древнерусские письменные источники X–XIII вв.* М., 1991; *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л. (СПб.), 1987–2003. Вып. 1–3.

⁴ См.: *Киселёва М. С.* Указ. соч.; *Лихачёв Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973; *Берман Б. И.* Читатель жития // *Художественный язык средневековья.* М., 1982. С. 159–183; *Мелетинский Е. М.* Средневековый роман: вопросы типологии // Там же. С. 250–265; *Борев Ю. Б.* Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». М., 1981. С. 47–66; *Шкуратов В. А.* Указ. соч. С. 52–58.

⁵ См.: *Хвостова К. В.* Контент-анализ в исследованиях по истории культуры // *Одиссей: Человек в истории:* 1989. М., 1989. С. 136–143; *Кузнецов В. Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991; *Смирнов И. П.* О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. Wien, 1991 (*Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 28*); *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995; *Шмид В.* Нарратология. М., 2003.

⁶ Концепты – социокультурные признаки денотатов, т. е. скрывающихся за знаками объектов и явлений действительности (см.: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 278, 618). «Концепты – единицы ментального лексикона – возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причём эта информация может включать как сведения о реальном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и о возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» (*Лагута (Алёшина) О. Н.* *Логика и лингвистика*. Новосибирск, 2000. С. 32).

⁷ Значение – это прямая отсылка к денотату, а смысл – косвенная, посредством указания на соответствующий концепт; другими словами, значение – это объективная и устойчивая связь между знаком и денотатом, а смысл – связь произвольная (субъективная) и изменчивая (см.: *Леонтьев А. А.* *Смысл как психологическое понятие // Психологические и лингвистические проблемы владения и овладения языком*. М., 1969. С. 60, 63–64; *Никитин М. В.* *Основы лингвистической теории значения*. М., 1988. С. 38–39).

⁸ См.: *Борев Ю. Б.* Указ. соч. С. 78–80; *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 441; *Кукушкина Е. И.* *Познание, язык, культура*. М., 1984. С. 179–246; *Степанов Ю. С.* *В трёхмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*. М., 1985. С. 278–314; *Михальская А. К.* *Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике*. М., 1996; *Вендина Т. И.* *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. М., 2002; *Гудков Д. Б.* *Теория и практика межкультурной коммуникации*. М., 2003.

⁹ См.: *Борев Ю. Б.* Указ. соч. С. 69–73, 75; *Смирнов И. П.* Указ. соч.; *Лебедев В. Ю.* *Очерк теории сакрального перевода*. Тверь, 2001. С. 18–19.

¹⁰ См.: *Библер В. С.* *Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры*. М., 1990. С. 83; *Он же.* *Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры*. М., 1991. С. 119–122, 133–134; *Кузнецов В. Г.* Указ. соч. С. 143; *Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология*. М., 2001. С. 339–340, 349–350, 361–404.

¹¹ См.: *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории*. М., 1998. С. 173–178, 280–281; *Присёлков М. Д.* *История русского летописания XI–XV вв.* СПб., 1996; *Пропп В. Я.* *Исторические корни волшебной сказки*. Л., 1946; 2-е изд. Л., 1986.

¹² См.: *Романов Б. А.* *Люди и нравы Древней Руси*. М.; Л., 1966; *Юрганов А. Л.* *Категории русской средневековой культуры*. М., 1998; *Колесов В. В.* *Древняя Русь: наследие в слове: Мир человека*. СПб., 2000.

¹³ См.: *Смирнов И. П.* Указ. соч.; *Шмид В.* Указ. соч.; *Зоркая Н. М.* *На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов*. М., 1976. С. 183–225; *Путилов Б. Н.* *Героический эпос и действительность*. Л., 1988. С. 11; *Лотман Ю. М.* *Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. М., 1994. С. 11–245.

[с. 8]

¹⁴ См.: *Бородкин Л. И.* *ЭВМ ищет авторов средневековых текстов // Число и мысль*. М., 1986. Вып. 9. С. 113–141; *Воробьёв Г. Г.* *Твоя информационная культура*. М., 1988. С. 74–75, 289, 298; *Методы сбора информации в социологических исследованиях*. М., 1990. Кн. 2; *Основы прикладной социологии*. М., 1995.

¹⁵ См.: *Борев Ю. Б.* Указ. соч. С. 73–75; *Кузнецов В. Г.* Указ. соч. С. 134–135.

¹⁶ Оговорка – фраза или её часть, которая на взгляд реципиента (слушателя, читателя) в данной ситуации выглядит нелогичной, неуместной, лишней, странной.

¹⁷ Умолчание – явление содержательного уровня процесса речепорождения: сознательное сокрытие от реципиента информации, которую теоретически тот мог или должен был

получить в данной ситуации. Скрытое восстанавливается путём сопоставления данного высказывания с речами данного лица в адрес иных людей.

¹⁸ Речевая «лакуна» – явление формального уровня процесса речепорождения: сознательный или бессознательный пропуск языковых единиц или конструкций, который не ведёт к неверному восприятию речи реципиентом, т. к. пропущенное как бы само собой подразумевается и мысленно им восстанавливается. Подобное возможно лишь при наличии у автора высказывания и адресата общего фонда представлений.

¹⁹ См.: Кузнецов В. Г. Указ. соч. С. 58, 135; Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 15–16, 281, 293; Он же. Категории средневековой культуры. М., 1984; Он же. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

²⁰ См.: Кузнецов В. Г. Указ. соч. С. 136–137; Мейзерский В. М. Проблема символического интерпретанта в семиотике текста // Уч. зап. Тартус. ун-та. 1987. Вып. 754. С. 3–9.